

Вместо предисловия

1

В 1941 году Бейля (Белла) Лондон, моя будущая мать, закончила среднюю школу № 12 города Полоцка. 20 июня прозвучал последний звонок, выпускники получили на руки аттестаты. Как и все еврейские мальчики и девочки из ее класса, она мечтала о высшем образовании и собиралась в Москву. Назавтра, 21 июня, она отправила свой аттестат и другие документы для поступления в вуз в Москву, своей старшей сестре Римме, которая уже училась в Инъязе и жила в институтском общежитии на Маросейке. Отправила с оказией — с учителем немецкого языка, послав вдогонку следующую легкомысленную телеграмму: «Встречай немца скорым поездом» (Обошлось).

А назавтра уже вся страна встречала немца кровью и плотью...

26 июня из Полоцка уходил последний эшелон с военными, к нему было прицеплено несколько товарных вагонов для населения — в них мама и уехала с бабушкой Лизой в эвакуацию в Москву. В Смоленске поезд бомбили, после чего маршрут изменили и, не заезжая в столицу, отправились в Саратовскую область. С 4 июля по 14 августа Белла работала конторщицей колхоза «20 лет октября» в поселке-райцентре Кистендей, а затем в близлежащей Дурасовке, секретарем Дурасовской психколонии... В 1942 году она перевелась в Ижевск, где в эвакуации находился МВТУ, там она училась и работала лаборантом (а бабушка комендантом в общежитии), а 17 июня вернулась с институтом в Москву.

В Полоцке оставался ее отец, мой дед, типографский наборщик. 26 июня он дежурил и смог отпроситься только для того, чтобы проводить жену и младшую дочь. Он искренне верил, что немцев вот-вот остановят и погонят. Последнее, что о нем известно, — вот эта открытка, полученная старшей дочерью.

Полоцк, Коммунистическая улица, 74.

*Москва, Маросейка, Петроверигский пер., 6/8, к. 207 —
Р. М. Лондон.*

30 июня 1941 года

Полоцк 30.6.

Дорогая доченька! Последнюю твою открытку от 24 июня я получил, а мама и Бэба 26 июня поехали в Москву и я очень волнуюсь, что их еще нет у тебя. Я один остался дома. Город в опасности, и не

знаю, что делать. Около нас упала бомба и был пожар и много жертв. Умоляю тебя, когда получишь письмо, телеграфируй мне сейчас же, приехали ли они в Москву. Они, вероятно, застряли в дороге.

Дядя Мендель уехал внезапно до Москвы. Попытайся у него узнать, приехал ли он. От них ты узнаешь, где мама и Бэба. Папа.

Немедленно телеграфируй, если примут телеграмму.

15 июля в город вошли немцы, в нем встал гарнизон 201-й полевой охранной дивизии. По линии СД за порядок и за евреев «отвечала» айнзатцкоммандо 9.

В начале августа выгородили для евреев два гетто — одно на окраине, другое в центре (в его зону вошли и Коммунистическая улица, и школа № 12, где училась моя мать), а в середине сентября всех перевели в новое гетто на кирпичном заводе возле военного городка Боровуха. Датами расстрелов полоцких евреев стали: начало августа, 21 ноября и 11 декабря 1941 года, а также (евреи-специалисты и их семьи) — 3 февраля 1942 года¹.

Совершенно очевидно, что Мендель Иосифович Лондон, мой дед, разделил судьбу остальных полочан-евреев и погиб во время одной из этих «акций»...

2

Эта книга не писалась, а как бы складывалась — глава за главой, словно шаг за шагом. Складывалась из судьбы моей семьи, складывалась из смежных научных исследовательских интересов, упрямо и с разных сторон упировавшихся в проблематику Шоа. Таков, например, сюжет с еврейскими военнопленными — логическая часть куда более широкой разработки вопроса о военнопленных и об остарбайтерах.

Некоторые сюжеты вызваны архивным поиском по теме Шоа (как, например, северо-кавказские главы) или же просто случайностью. Так, весь сюжет с рукописями Градовского и с зондеркоммандо соткался из того лишь, что в 2004 году, разыскивая в фондах Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге материалы о советских военнопленных, Николай Поболь и пишущий эти строки обнаружили в каталоге упоминание записной книжки Залмана Градовского. Знакомство с этим документом и его историей иначе как потрясением назвать нельзя. И едва ли не первым движением души — еще до погружения в тему и в соответствующую литературу — стало: это должно зазвучать и по-русски! И уже в январе 2005 года — года 50-летней годовщины с момента освобождения Освенцима, собравшего под снегопадом большинство государственных и церковных лидеров мирового сообщества — увидели свет первые на русском языке публикации Залмана Градовского.

То были публикации «Письма потомкам» — небольшого, но яркого фрагмента, перевод которого Меиром Карпом являлся частью соответствующей архивной единицы в музее. Все остальное нуждалось прежде всего в тщательном переводе с идиш (с последующим комментарием), как нуждалась в нем и вторая — «иерусалимская» — рукопись Градовского, узнать о которой привелось уже из научной литературы. За этот неподъемный труд взялась и довела его до конца Александра Полян.

Естественно, что параллельно возникла и другая задача — попытка осмысления того, что же означают собой тексты Градовского, что значат они для истории и литературы. Каждая новая фаза работы над этим давала только частичные ответы и каждая — ставила новые вопросы, порой еще более трудноразрешимые.

Некоторые разделы первоначально были косвенно или прямо инициированы коллегами, в частности, Семеном Чарным, обратившим мое внимание на письмо неизвестного Чекменеу, или Альфредом Кохом, предложившим углубиться в демографию Холокоста.

Книга создавалась в архивном и библиотечном поиске и в непрерывном общении, спорах и беседах со многими людьми. Я хочу искренне поблагодарить за это своих «собеседников» — родителей, жену, сына и племянницу (Беллу, Марка, Софью, Илью и Александру Полянов), друзей и соавторов (Виктора Белкина, Марека Ерчиньского, Жанну Зайончковскую, Павла Ильина, Наума Клеймана, Альфреда Коха, Марка Куповецкого, Алексея Неймана, Ганса-Генриха Нольте, Евгения Пермякова), Николая Поболя, Иру Рабин, Рюдигера Оверманнса, Александра Смолянского, Андреаса Хильгера и Арона Шнеера), коллег-историков (Илью Альтмана, Вольфганга Бенца, Питера Блэка, Елену Войтенко, С. Дебского, Марка Куницкого-Гольдфингера, Конрада Зелинского, Рашида Капланова), Гюнтера Кляйна, Арно Люстигера, В. Надеина-Раевского, Эриха Оберлендера, Дитера Поля, Леонида Смиловицкого, Бориса Фрезинского, Юргена Царуски, Артура Цуциева, Семена Чарного, Томаса Шароту), коллег-географов и демографов (Виталия Белозерова, Виктора Бельтрана, Анатолия Вишневского, Сергея Захарова, Сергея Максудова, Серджио делла Перголу и Марка Тольца), коллег-архивистов (Александра Абрахама, Анну Валькович, Иосифа Волнермана, Валентина Грицкевича, Яну Златкис, Марию Ионину, Игоря Казырина, Андрея Костенецкого, Риту Марголину, Сергея Мироненко, Дину Нохотович, Януша Пивовара, Войцеха Плосу, Михаила Подзолова, Леонида Терушкина, Михаила Чайку и Анну Шиндер), коллег-издателей и коллег-редакторов (Галину Бондареву, Ольгу Гусеву, Тамару Донскову, Марка Зильберквита, Дениса Датешидзе, Андрея Курилкина, Аду

Мартынову, Сергея Митурича, Игоря Немировского, Сергея Нехамкина, Веронику Панкратову, Михаила Румера и Андрея Сорокина).

3

Термины Шoa и Холокост употребляются в настоящем издании, в соответствии со сложившейся практикой как де-факто синонимы. В то же время этимологически они весьма отличаются друг от друга: Холокост — по-гречески это жертвоприношение, воскурение, а Шoa — по-древнееврейски бедствие, катастрофа. Само по себе уподобление катастрофы жертвоприношению более чем сомнительно, но в русском языке, как и в немецком, в отличие, впрочем, от английского, не существует словарного различия двух типов жертв — жертв геноцида и жертв культового заклания, что смягчает названное противоречие и делает приемлемой широко распространившуюся практику словоупотребления Холокост.

Обозначение Аушвиц закреплено за городом Освенцим в период национал-социализма и за названием современного музейного комплекса, а Аушвиц-I — за основным, или базовым, концлагерем. Во всех послевоенных контекстах мы пользуемся топонимом Освенцим.

Все разделы книги, по сравнению с их первоначальными публикациями², основательно переработаны. Литературные ссылки даются по сводной библиографии в конце настоящего издания с указанием фамилии автора, года выхода издания и, при возможности, страницы. Книги и монографии при этом выделены крупным шрифтом. Источники, ссылки на которые встречаются лишь однажды, в сводную библиографию не включены.

Примечания

¹ Сведения почерпнуты из статьи Г. Винницы «Полоцк» в энциклопедии «Холокост на территории СССР» (М.: РОССПЭН, 2009. С. 774–776).

² См. приложение 7.

НАКАНУНЕ

Недостающее звено в предыстории Холокоста. Размышления над перепиской Эйхмана и Чекменева ценой в два миллиона жизней

В Российском государственном архиве социально-политической истории (бывшем Партархиве СССР) хранится поразительный документ¹. Это письмо начальника переселенческого управления при СНК СССР Е. И. Чекменева председателю Совета народных комиссаров В. М. Молотову от 9 февраля 1940 года.

Вот его полный текст:

Вх. 3440

СССР

Переселенческое управление при Союзе ССР

9 февраля 1940 г.

№ 01471с

г. Москва, Красная площадь, 3

Телеграфно — Москва Переселенческая

Телефон К-0-95-03

Председателю Совета народных комиссаров

г. МОЛОТОВУ В. М.

Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР — конкретно в Биробиджан и Западную Украину.

По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины² и русские.

Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты.

Прошу указаний.

Приложение: на 6 листах.

**Начальник переселенческого управления при СНК СССР
ЧЕКМЕНЕВ**

Первым этот документ обнаружил и процитировал российский историк Г. В. Костырченко в своей книге «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм»³. В контексте его собственного исследования он играл лишь второстепенную роль, и введение его в научный оборот прошло поначалу почти незамеченным для историографии Холокоста⁴.

Вместе с тем уже одни имена немецких отправителей письма, — будь они в письме названы, — заставили бы вздрогнуть. Если полагать, что письма из «Берлинского и Венского переселенческих бюро» по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР» были подписаны их руководителями, а поступили они к Чекменеву примерно за неделю до отправки им письма Молотову, то отправителями должны были бы быть ни кто иные как Адольф Эйхман за Берлинское бюро, а за Венское — Франц Йозеф Хубер. Последний сменил Франца Вальтера Шталекера — будущего оберпалача евреев Прибалтики⁵ — на посту инспектора полиции безопасности и СД в Вене и осуществлял общее руководство целым рядом организаций, в том числе и Переселенческим бюро. Реальным же руководителем после отъезда Эйхмана в Берлин стал его бывший заместитель штурмбанфюрер СС Алоиз Бруннер (Alois Brunner), в январе 1941 года назначенный на эту должность и официально⁶. Но надо всеми ними витала густая тень руководителя РСХА и протектора Богемии и Моравии Райнхарда Гейдриха.

А вот имя их московского корреспондента — Евгения Михайловича Чекменева — мало что говорит даже искушенному российскому историку. Он родился в 1905 году и умер 21 апреля 1963 года⁷. С 1927 года в партии, закончил Московскую академию социалистического земледелия и Институт Красной профессуры, с 1938 года — на ответственных номенклатурных должностях. С июня 1939 по апрель 1941 г. Чекменев руководил переселенческим движением: он был начальником и председателем Коллегии Переселенческого комитета (впоследствии Переселенческого управления) при СНК СССР⁸. С апреля 1941 года — заместитель наркома земледелия СССР⁹, а с 1948 года Чекменев — начальник Главного управления полезавитного лесоразведения и, по всей видимости, заместитель министра совхозов СССР¹⁰. Позднее — заместитель председателя Госплана СССР, а с 1961 года — заместитель председателя Комитета заготовок.

Переселенческое управление, в которое поступил запрос из Берлина и Вены, действительно, было наиболее корректным адресатом для Эйхмана и его коллег. То была организация, отвечавшая в СССР за планирование и организацию плановых государственных переселений, осуществлявшихся, в основном, на добровольной осно-

ве. Этим оно отличалось от Главного управления лагерей НКВД (ГУЛАГ), отвечавшего за насильственные переселения (депортации) осужденных и заключенных, и отдела спецпоселений НКВД, отвечавшего за депортации административно-репрессированных. Впрочем, если бы немецкие коллеги написали в НКВД, Берии, они бы тоже не промахнулись.

К сожалению, ни «Приложения на 6 листах» (а это, скорее всего, оригиналы писем из Германии вместе с их переводами), ни других примыкающих материалов — ни в российских, ни в немецких архивах, — обнаружить пока не удалось¹¹.

Однако существо отсутствующих немецких писем передано Чекменевым ясно и четко: Гитлер предлагает Сталину¹² забрать себе всех евреев, оказавшихся к этому моменту под германским сапогом. Но оно содержит не только вопрос, но и столь же лаконичный ответ на этот вопрос: благодарим за лестное предложение, но забрать ваших евреев, извините, не можем!

Но для того чтобы лучше понять как вопрос, так и ответ, попробуем взглянуть на письма из Берлина и Вены как минимум с трех разных точек зрения — из перспективы отправителя, из перспективы адресата и из перспективы их взаимоотношений на тот момент времени, когда письма задумывались и писались.

Из перспективы отправителя

Итак, неназванными в послании Чекменева авторами писем из Вены и Берлина являлись, по служебному соответствию, только Алоиз Бруннер (или Франц Йозеф Хубер) и Адольф Эйхман. Из последующего, однако, станет ясно, что главным мотором всей интриги был, скорее всего, Эйхман.

С 1 октября 1934 он служил в Главном управлении СД, референтом в реферате II 112 (Referat Juden). В этом еврейском (точнее, антиеврейском) реферате он занимался вопросами форсирования еврейской эмиграции из Германии, изучал иврит и идиш, знакомился с сионистскими лидерами. В 1938 году, вскоре после мартовского аншлюса Австрии, его переводят референтом того же антиеврейского реферата II 112 в Вену, в управление руководителя СД в региональном управлении СС «Дунай», начальником которого был инспектор полиции безопасности и СД штандартенфюрер СС д-р Шталеккер.

Еврейская эмиграция из Вены сталкивалась в это время с непредвиденными трудностями бюрократического порядка: евреи, в эмиграции которых государство так было заинтересовано, неделями были вынуждены простаивать в очередях. Одной из причин тому было первоочередное оформление документов состоятельных и пла-

тежеспособных евреев, привлекавших для этого немецких адвокатов с хорошими связями и платившими им за это хорошие деньги, что, конечно же, было недоступно беднякам. Социально (а не только национально!) чувствительный Эйхман вступился за еврейских бедняков и восстановил, насколько возможно, «справедливость» в очереди на вышвыривание с родины. Оформление необходимых бумаг стоило около 1000 RM и занимало от 2 до 3 месяцев¹³.

Распоряжением Рейхскомиссара по воссоединению Австрии с Третьим Рейхом гауляйтера Иосифа Бюркеля (Josef Bürckel) от 20 августа 1938 года в Вене был создан Центр по [осуществлению] еврейской эмиграции (*Zentralstelle für jüdische Auswanderung*) — специальный орган в составе Имперского министерства внутренних дел, призванный всесторонне регулировать (в смысле торопить и ускорять) эмиграцию австрийских евреев и уполномоченный выдавать им разрешения на выезд. В компетенцию Центра, располагавшегося во вполне символическом месте — бывшем дворце Ротшильда на Prinz-Eugen-Str., 22¹⁴, входили создание всех необходимых условий для эмиграции, включая переговоры со странами-реципиентами, обеспечение эмигрантов необходимыми суммами валюты, взаимодействие с туристическими и транспортными агентствами, привлекаемыми к решению технических вопросов эмиграции, наблюдение за еврейскими организациями с точки зрения их отношения к политике эмиграции евреев, издание соответствующих инструкций и постоянное руководство этим процессом. Номинальным руководителем Центра был Шталеккер¹⁵, а его заместителем и управляющим — унтерштурмфюрер СС Адольф Эйхман, его фактический инициатор, организатор и глава.

Первоначально полномочия Центра ограничивались только двумя гау (провинциями) — Веной и Нижним Дунаем. Однако к концу 1938 года его компетенции были распространены на всю Австрию (Остмарк). С упрощением валютных трансферов и с привлечением к оформлению необходимых документов Венской еврейской общины время обработки заявлений удалось сократить до восьми дней. В качестве характерного ноу-хау Эйхмана можно отметить принцип самофинансирования Центра: оно содержалось не из бюджета, а за счет специального эмиграционного сбора, взимавшегося с выезжающих евреев¹⁶. В результате за первые же 2,5 месяца своей деятельности Центр выпроводил из Австрии 25 тыс. евреев¹⁷, а всего за первые 1,5 года его существования около 150 тыс. австрийских евреев были вынуждены с его любезной помощью Центра покинуть страну. Организации, аналогичные венскому Центру, были созданы также в Праге и Остраве.

В начале ноября 1938 года, то есть всего за несколько дней до Хрустальной ночи, Эйхман направил в Берлин штумбанфюреру СС Эрлингеру (Ehrlinger) отчет о деятельности Центра, в котором, в частности, напоминал о высказанной им еще в начале 1938 года инициативе организовать аналогичный орган во всеимперском масштабе. События 9 ноября добавили много нового в антиеврейскую проблематику, так что решение Гейдриха созвать в субботу, 12 ноября, совещание в РСХА, посвященное выработке стратегии Рейха в еврейском вопросе, не выглядит удивительным. На этом совещании Геринг, от имени Гитлера, подчеркивал перспективы Плана Мадагаскар¹⁸, а Эйхман доложил о своем венском опыте, а также о целесообразности открытия в Берлине центра, аналогичного венскому¹⁹.

Несмотря на погромные настроения Хрустальной ночи, 9 ноября 1939 года, когда по всей Германии «стихийно» жгли синагоги и убивали евреев, «окончательное решение еврейского вопроса» в то время мыслилось тогда еще явно в категориях эмиграции, а не ликвидации. В своеобразном эмиграционном раже Эйхман договорился даже до того, что в середине февраля 1939 года, ссылаясь на более чем двукратный спад динамики заявлений на эмиграцию, предложил освободить из Дахау и Бухенвальда всех австрийских евреев, заключенных туда после 9 ноября 1938 года, и отправить их куда подальше за границу. Это предложение, однако, не встретило понимания в СС: Г. Мюллер отверг его достаточно категорично²⁰.

Несмотря на противостояние еврейской иммиграции из Рейха в странах-реципиентах, показатели эмиграции и в начале 1939 года были, тем не менее, достаточно высокими. Достигнуто это было, отчасти, благодаря поездкам за рубеж руководителей Венской еврейской общины и Палестинского бюро (последний добивался тогда для Австрии половинной квоты на легальный въезд в Палестину), наращиванию так называемых «китайских транспортов» и мероприятиям по профессиональной переподготовке эмигрантов, нацеливающих их на жизнь в Земле Обетованной. «Китайские транспорты» служили, насколько можно судить, лишь отчасти для переселения в Шанхай, но главным образом — для нелегальной иммиграции в Палестину²¹.

Но прошло еще некоторое время, пока пропагандируемый Эйхманом орган был действительно организован Гейдрихом в Берлине. Это произошло на завтра после того, как Гитлер произнес в Рейхстаге 30 января 1939 года свои язвительные слова о поведении демократических стран, проливающих слезы о судьбе несчастных немецких евреев и одновременно отказывающих им во въездных документах. Еще через восемь дней с похожими провокациями выступил и А. Розенберг, чьей шокированной аудиторией были дипломатический корпус и иностранные журналисты: он потребовал от Англии, Франции

и Голландии создания еврейского резервата на 15 млн чел. где-нибудь на Мадагаскаре, в Гайане или на Аляске²².

Новая организация получила название «Имперского Центра по еврейской эмиграции» (Reichszentrale für Jüdische Auswanderung). Получив назначение возглавить его, начиная с 1 октября 1939 года, Эйхман покидает Вену²³ и возвращается в Берлин. Здесь, наряду с хлопотами об эмиграции, он приступает и к планированию принудительного переселения евреев в только что — 12 октября — созданное «Генерал-Губернаторство для оккупированных польских областей»²⁴, а также внутри него и, если понадобится, то и из него. А 21 декабря 1939 года Гейдрих назначил Эйхмана главой спецреферата IV D 4 (Referat Auswanderung und Räumung) в РСХА²⁵, призванного координировать все переселения евреев и поляков на оккупированной польской территории. В результате Эйхман стал поистине ключевой фигурой не только в выработке концепции, но и в реализации программ всех проектов по «решению еврейского вопроса».

Их венцом станет, в конечном счете, организация транзитных лагерей в западноевропейских странах и широкой сети гетто при железнодорожных узлах в оккупированных областях на Востоке, сосредоточение в них миллионов евреев — с последующей их депортацией в концлагеря и лагеря уничтожения. Как практику ему еще многое предстоит обдумать, освоить и усовершенствовать. К познаниям в области иудаики и гебраистики придется присовокупить и сведения из химии и физиологии человека, помогающие найти правильное решение при ответе на такой, например, нелегкий вопрос: какой из выпускаемых промышленностью удушающих газов эффективнее и рентабельнее при ликвидации каких порций людского материала. И глубоко заблуждаются те, кто считают его клерком, кабинетной крысой в нарукавниках: командировки в гетто и концлагеря доказывают обратное.

Первой акцией Эйхмана в Берлине стала так называемая Операция Ниско. После оккупации Польши в сентябре 1939 года в немецких руках оказалось почти вчетверо больше евреев, чем их было в Германии до прихода нацистов к власти, — около 2 млн чел. Около 0,5 млн из них проживали на землях, инкорпорированных непосредственно в Рейх (два новоиспеченных райхсгау — Данциг-Западная Пруссия и Вартеланд, вобравшая в себя Позен и восточную часть Верхней Силезии). Депортации и освобождение их от еврейского населения казались само собой разумеющейся и первостепенной задачей. Но возникал вопрос: а куда? где это тихое, удаленное и не предназначенное для «германизации» место? где будет возрождена российская черта оседлости для евреев в ее немецком исполнении?²⁶

В течение сентября ответ на этот вопрос искали внутри будущего генерал-губернаторства: обсуждались идеи «еврейского государства» близ Кракова или же «имперского гетто» в Люблине или близ Люблина. Уже в середине сентября 1939 года соответствующие слухи поползли среди еврейского населения бывшей Польши и даже просочились в прессу²⁷. В самом конце сентября Гитлер несколько раз высказывался о желании переселить все еврейство, в том числе и немецкое, куда-нибудь в Польшу, между Вислой и Бугом²⁸.

Так что ничего удивительного не было в том, что Эйхман и Шта-леккер, по указанию начальника гестапо Г. Мюллера от 6 октября о депортации евреев из Вены, Катовиц и Остравы, выехали 12 октября на 3-дневную рекогносцировку в зону, в то время еще временно контролируемую Красной армией, и остановили свой выбор на пространстве в 20 тыс. кв. км между Вислой, Бугом и Саном со столицей в Люблине²⁹.

Эту резервацию, по их мнению, должны были свозить всех евреев со всей Европы, но в первую очередь из Германии, Австрии, бывшей Чехословакии и Польши³⁰. Тем самым она мыслилась как важнейшей составная часть стратегического плана по радикальной этноструктурной перестройке Восточной Европы в видах ее германизации. 7 октября 1939 года фюрер назначил Гимmlера рейхскомиссаром по укреплению германской народности: в этом качестве он должен был курировать и вопросы депортаций поляков из районов, намеченных для сплошной аризации (например, из Данцига и Вартегау). Поляков же предполагалось частично переселить в районы, освобождаемые от евреев, так что связь всех этих усилий с тем, что неподалеку делал Эйхман, была самая что ни на есть прямая.

Собственно депортации евреев начались без какой-бы то ни было раскачки — уже 9 октября 1939 года был отдан приказ о депортации из Остравы-Моравской и Катовиц, а 10 октября — о депортациях из Вены³¹. Евреев заставляли подписывать заявления об их якобы добровольном переезде в «лагерь для переобучения»³². Станциями их отправления были Вена, Острава-Моравска и Катовице, а также Прага и Сосновиц, а станциями прибытия — главный лагерь Ниско на реке Сан, а также промежуточный лагерь в деревне Заречье на противоположном его берегу. Оба лагеря были совсем недалеко от советской границы, и некоторым евреям удавалось даже бежать в СССР.

Первый эшелон с 875 евреями был собран 17 октября и отправлен из Остравы 16 октября 1939 года, по пути, 20 октября, подобрав часть евреев в Катовицах, и в тот же день прибыв в Ниско. Всего за период с 17–18 по 29 октября в Ниско прибыло шесть эшелонов суммарной численностью в 4–5 тыс. чел.³³

Письмо начальника
Переселенческого
Управления
при СНК СССР
Е. И. Чекменева
Председателю
Совета Народных
Комиссаров
В. М. Молотову
от 9.2.1940 г.
РГАСПИ

СССР
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
при
СНК Союза ССР

9 - ~~подпись~~ 1940 г.
М. 9/224

г. Москва
Кремль, Ленинский д.
Телефоны: Москва 1-4001, 1-4002
Телеграфный адрес: Москва 1-4001

ИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР

г. МОЛОТОВУ В.М.

Переселенческим Управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского Переселенческих Бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР - конкретно в Виробляжи и Зеледную Украину.

По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР, эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские.

Считаем, что предложения указанных Переселенческих Бюро, не могут быть приняты.

Прошу указаний.

Приложение: на 6-ти листах.

НАЧАЛЬНИК
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ СНК СССР:

ЧЕКМЕНЕВ/

Адольф Эйхман

Евреев ведут по улицам Киева.

Мемориальный Центр документации Шоа, Париж

Все жи́ды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбищ)

Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.

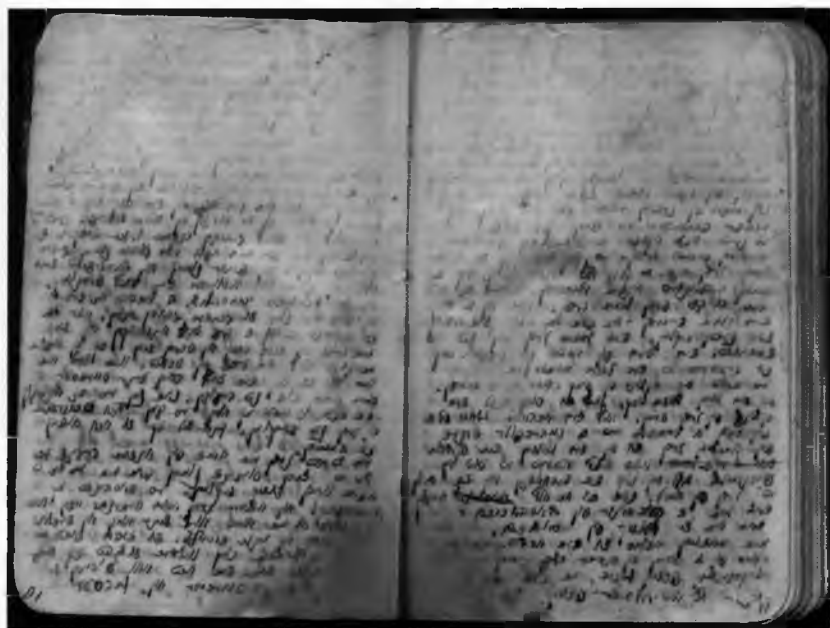
Аушвиц-Биркенау. Еврейские женщины и дети на рампе перед Крематорием 3.
Музей Аушвиц-Биркенау, Освенцим

Аушвиц-Биркенау. Аппель работоспособных.
Музей Аушвиц-Биркенау, Освенцим

Записная книжка
З. Градовского
и фляга, в которой
ее нашли в 1945 г.
Центральный
военно-медицинский музей,
Санкт-Петербург

Страница записной книжки З. Градовского.
Центральный военно-медицинский музей, Санкт-Петербург